

№ 30-й.

ПРИЛОЖЕНІЕ КЪ ГАЗЕТѢ

11 іюля 1904 г.

„ПРИАЗОВСКІЙ КРАЙ“

КЪ КОНЧИНЪ

Мать А. П.—Евгенія Яковлевна Чехова.
(Съ послѣдняго портрета).

стями куски мяса полипа съ сѣрой кожей. Положивъ краснаго перца, она прибавила туда еще нѣсколько сухарей и накрыла все плотно крышкой. Потомъ она, стуча высокими каблуками своихъ деревянныхъ башмаковъ, подошла къ Маріи Граціи, водоноска, то поднимавшей изъ колодца, то опускавшей въ него свое ведро, и укачивавшей лѣвой ногой корзину, въ которой спалъ ея ребенокъ.

— Марія! дай стаканъ воды, сдѣлай милость.

— Изволь, голубка!

Виченцелла набрала въ ротъ изъ стакана воды и вылила ее на руки, которыя вытерла потомъ синимъ ситцевымъ передникомъ.

— Полипъ воняетъ; а Цецилло не выносить дурного запаха.

— Онъ такъ изнѣженъ?

— Онъ баринъ, Марія! Что подѣлаешь.

— Послушай, Виченцелла! Я желаю тебѣ добра; Цецилло тебѣ не пара..

— Цецилло и никто другой,—отвѣтила Виченцелла лаконически.—Твой ребенокъ съ каждымъ днемъ толстѣетъ, да благословить его Господь.

— Бѣдная Канителла! Мухи со всѣмъ ее заѣли,—сказала Марія Гра-

ція, склонившись надъ ребенкомъ, чтобъ отогнать ихъ отъ него.

Виченцелла вернулась къ очагу.

А сѣла теперь на сломанный стулъ, прислоненный, чтобы не упасть, къ широкой каменной баллюстрадѣ, и начала снова наблюдать за варкой по-ла, каждую минуту открывая горелку и погружая туда двузубую вилку. При этомъ она штопала чулокъ бѣлыми нитками, молча поглядывая своими большими глазами на наполненную солнечнымъ свѣтомъ, людьми и повозками Wia di Santa Lucia... Прошелъ Дженарино, продавецъ пироговъ. Онъ несъ широкій деревянный лотокъ, на которомъ вѣнцобразно были разложены аладьи съ яблоками и пироги, пахнущіе миндалемъ и разными начинками.

— Готовъ полипъ, Виченца?

Она притворилась, что не слышитъ, а энергія ея большого выразительнаго рта, гордость въ глазахъ, никогда не улыбающихся, и жесткость сдвинутыхъ черныхъ бровей остались неизмѣнными.

А. П. Чеховъ.
(Сконч. 2 июля н. г.).

— Виченца, дай мнѣ кусочекъ полипа. Ты получишь за то кусокъ пирога.

— Я не голодна, а полипъ еще не готовъ.

— Держу пари, что къ приходу Цецилло онъ будетъ готовъ.

— Само собой разумѣется.

— Какъ ты зла, Виченца!

— А кто заставляетъ тебя со мной разговаривать.

Дженарино подавилъ въ себѣ досаду и удалился, выкрикивая нараспѣвъ вкусъ и благоуханіе своихъ пироговъ.

Виченцелла продолжала спокойно штопать чулокъ среди шума и криковъ улицы, каждую минуту взглядывая вверхъ словно она кого то ожидала.

Толстая женщина въ черной шерстяной кофтѣ, бѣломъ передникѣ и съ краснымъ платкомъ на шеѣ, остановилась передъ ней. Она держала въ рукѣ сельди. Маленькая дѣвочка стояла рядомъ съ ней, уцѣпившись за юбку.

Отецъ А. П.—Павель Егоровичъ Чеховъ.
(† 12 октября 1898 г. въ Москвѣ).

— Вотъ ключъ отъ дома, Виченца, а вотъ Фортуна! Смотри за домомъ и за ребенкомъ.

— Хорошо, матушка,—отвѣтила та, не двигаясь.

— Не знаю еще, когда вернусь. Я должна пройти до Porta Caruana—сдать въ кассу деньги матери Цецилло.

Виченцелла покраснѣла и на одну минуту, когда она заговорила, въ ея голосѣ можно было замѣтить что то въ родѣ дрожи.

— Не бранитесь съ ней, матушка,—промолвила она.

— Счетъ дружбы не портить,—отвѣтила ростовщица серьезно.—Цецилло тратитъ весь заработокъ матери.

— Вы не любите его, матушка,—произнесла Виченцелла упавшимъ голосомъ и опустила внизъ глаза, чтобы скрыть свой гнѣвъ.

— Онъ пожираетъ и всю твою выручку.

— Это не ваше дѣло, вы мнѣ не мать. Мачеха всегда останется мачехой.

— Ты увидишь потомъ, что я была права,—прибавила спокойно Газуальда, не желая ссориться на улицѣ.—Смотри же, присматривай за ребенкомъ!

Медленно, переваливаясь на ходу всѣмъ корпусомъ, удалилась тучная женщина съ широкимъ подбородкомъ, упирившись въ шейный платокъ.

А. П. Чеховъ—студентъ.

А. П. Чеховъ—по окончаніи гимназіи.

А. П. ЧЕХОВА.

Семейная группа Чеховых (1865 года).

Мать писателя. Отец писателя. Дядя А. П.—Митрофанъ Егоровичъ.

Бабушка А. П.—Евфросинья Емельяновна Чехова. Дѣдушка А. П.—Георгій Михайловичъ Чеховъ. Жена дяди А. П.—Людмила Павловна.

Смуглое лицо Виченцеллы съ пробивающимся здоровымъ румянцемъ оставалось попрежнему сосредоточенно серьезнымъ. Временами только она вскидывала глаза вверхъ на статую «Гиганта».

— Виченцелла!— сказалъ Аниелло, матросъ,—дай мнѣ уголекъ, чтобы закурить трубку.

— Вотъ, возьми,—стѣвила Виченцелла, поднявъ голову. Аниелло былъ босикомъ. Онъ былъ одѣтъ въ простые бѣлые холщевые шаровары, доходящіе до колѣнъ, и въ рубаху, которую онъ носилъ, какъ блузу, поверхъ штановъ, и въ разрѣзъ которой видна была его темная, волосатая грудь. На головѣ у него была совершенно изорванная соломенная шляпа. Онъ пришелъ съ набережной Santa Lucia, изъ купальни, гдѣ служилъ сторожемъ.

— Гдѣ Газуальда?—спросилъ онъ.

— Пошла сдать деньги въ кассу.

— А Фортуна?

— Пошла купить плодовъ.

— Меня удивляетъ, что Цецилло еще нѣтъ,—замѣтилъ Аниелло.— Онъ

Сестра А. П.—Марія Павловна Чехова.

Домъ, въ которомъ родился А. П. Чеховъ—въ Таганрогѣ, Александровская ул., д. № 47.

должно быть пошелъ купаться съ той дѣвушкой.

— Съ какой дѣвушкой?

— А почему я знаю? Гаетано изъ купальни «Sob» мнѣ рассказывалъ, что Цецилло вчера сопровождалъ туда дѣвушку, красивую такую, въ шали.

— Этого не можетъ быть...

— Чего, не можетъ быть? Гаетано не сумасшедшій.

— Онъ не сумасшедшій, но то, что онъ вамъ рассказалъ, неправда.

— Онъ видѣлъ ихъ своими глазами.

— Неправда! Я его словамъ не вѣрю.

— Ишь ты, заладила: неправда да неправда! Дура ты, какъ я посмотрю!

Сторожъ удалился, спустившись по лѣстницѣ, ведущей къ рѣкѣ. Виченцелла тряхнула головой, словно ничто не могло ее убѣдить; но она дрожала отъ нетерпѣнія. Глядя на «Гиганта», она вертѣла машинально вилкой въ горшокъ, гдѣ варился полипъ въ морской водѣ.

Въ полдень начиналась продажа варенаго полипа. Виченцелла выставила на баллюстраду панели три-четыре бѣлыхъ фаянсовыхъ тарелки. Едва появлялся кліентъ, какъ она совала вилкой въ горшокъ, вынимала оттуда кусокъ полипа и клала его на тарелку, прибавляя еще ложку супа съ разваренными сухарями. Кліенты ѣли стоя, разбирая руками сочные, покрытые слизью куски, и хлебали супъ, поднося тарелку прямо ко рту. Порція стоила два сольдо, двойная—четыре. Виченцелла аккуратно отмирывала порціи, не путая и не зѣвая. Очень быстро около нея собралось три каменщика, торговецъ раковинами и кучеръ конки. Она прислуживала серьезно, пожимая только плечами на адресуемая ей любезности, и съ высокомернымъ, презрительнымъ движеніемъ опускала сольдо въ карманъ передника. Торговля шла бойко, такъ что когда пришла Франчесцелла, продавщица сѣрныхъ водъ, чтобы купить полипа на два сольдо, уже не было ничего.

— Все вышло,—сказала Виченцелла, показывая горшокъ, въ которомъ осталось лишь немного супу.

— Ну, такъ прощай!

— Прощай!

— Счастливица! При этомъ страхѣ болѣзни, ниспосылаемой Богомъ, никто не пьетъ болѣе сѣрныхъ водъ. Мы ничего не вырабатываемъ. Я даже дала обѣтъ Мадоннѣ, если буду имѣть счастливый годъ!

— Что подѣлаешь! Видно и въ этомъ году не придется выйти замужъ.

— А Карлуцій еще въ солдатахъ?

— Нѣтъ, онъ свободенъ отъ военной службы, какъ единственный сынъ у своей овдовѣвшей матери.

— Когда онъ женится?

— На это нужны деньги,—сказала Виченцелла съ глубокой грустью.

— А ты не зарабатываешь развѣ?

— Сама знаешь, какіе наши заработки—только смѣхъ одинъ... Немного, что выручаешь, ускользаетъ ранѣе, чѣмъ успѣешь опомниться.

— Да, печальна наша судьба!

— Ну, развѣ полипа у тебя нѣтъ, пойду куплю себѣ порцію вареной рыбы.

Виченцелла закрыла очагъ и стала мыть на панели посуду въ глиняномъ тазу; потомъ она разставила горшокъ и тарелки на широкой баллюстрадѣ для просушки на солнцѣ. Проведя рукой по рыжимъ волосамъ, она стала пересчитывать свою выручку и собирать домой.